

УДК 821.111(73)  
ББК 83.3(7США)  
Б88

Tracy Brogan  
CRAZY LITTLE THING

Перевел с английского  
*Рихард Зайдлер*

Дизайнер обложки  
*Александр Андрейчук*

Настоящее издание выходит  
с разрешения *Amazon Publishing, www.apub.com*  
при содействии *Synopsis Literary Agency*

**Броган Т.**

Б88 Легкое сумасшествие по имени любовь : [роман] /  
Трейси Броган; [пер. с англ. Р. Зайдлера]. — СПб. :  
Аркадия, 2019. — 352 с. — (Серия «Dolce Vita»).

ISBN 978-5-907143-15-9

Расставшись с мужем, который постоянно ей изменял, Сэди Тернер навсегда разочаровалась в мужчинах. Она отправляется залечивать раны в обществе чокнутой, но любимой тетушки Доди, и последнее, что ей сейчас нужно, — это новый роман. Но тут на горизонте появляется худший кошмар Сэди: высокий, загорелый, сексуальный... Еще один ловелас? Сэди клянется держать себя в руках, однако новый знакомый так добр, весел, к тому же отлично ладит с ее детьми!

Необыкновенно живая и веселая история из жизни молодой разведенной женщины, запрещающей себе мечтать о счастье.

**УДК 821.111(73)**  
**ББК 83.3 (7США)**

© Tracy Brogan, 2012

© Издание на русском языке, перевод  
на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-907143-15-9

ООО «Издательство Аркадия», 2019

# ГЛАВА 1

Мой муж всегда был жутким бабником, поэтому я не слишком удивилась, застав его на корпоративной вечеринке в обнимку с какой-то хихикающей рыжей шваброй. Однако картину дополнял слегка измятый пиджак Ричарда, да еще с пряжки ремня свисала растрепанная веточка омелы, хотя в тот день мы вовсе не праздновали Рождество.

Внезапно все подозрения, копившиеся последние восемь лет, наконец-то стали реальностью. Ричард и правда изменял мне, и игнорировать этот факт дальше было невозможно.

Конечно, мне надо было давно бросить его, но любовь заставляет людей совершать глупости, и к тому же мамочка всегда твердила, что развод — пошлость и дурной тон, хотя сама через него прошла. Мама наверняка опасалась, что я испорчу себе жизнь, если разведусь. А оказалось, что я испортила ее, оставшись...

И вот, ровно через год, шесть дней и четырнадцать часов после злополучной вечеринки мы с Ричардом поставили подписи под справкой о разводе, и наш брак растворился, как соль на ободке бокала с «Маргаритой», сохранив после себя лишь едкое послевкусие.

Местная пресса в Гленвилле еще долго возбужденно полоскала грязное белье нашего развода. Как-никак Ричард был любимчиком городской элиты, и каждая газета старалась раскопать побольше смачных

подробностей для своих вечерних выпусков. Работа ведущим новостной передачи «Седьмого канала» возвела Ричарда в статус доморощенной звезды и наградила сворой подхалимов. Мое же имя газеты упоминали лишь мельком — сразу после описания размера состояния Ричарда. В глазах обывателей я представляла этакой «отчаявшейся домохозяйкой», польстившейся на деньги бедняги-труженика. Все, кроме меня, почему-то предпочли забыть инцидент с рыжей шваброй, и неожиданно это я, а не Ричард, оказалась отщепенкой и карикатурной злодейкой. Я чувствовала себя как какое-то неприятное насекомое, выставленное на всеобщее обозрение под стеклом, поэтому приглашение тети Доди провести с ней лето в ее богом забытой деревне — Белл-Харбор штата Мичиган — прозвучало буквально как песня сирены: слишком прекрасно, чтобы ответить «нет».

— Милочка, тебе необходимо встряхнуться, — заявила Доди по телефону. — Настало время психологической чистки. Пора вымести поганой метлой грязную карму Ричарда из твоей личной системы.

Я совершенно не верила в эту ее навешанную карту таро и «направляемую провидением» многозначительную чепуху, но в одном тетя была права: мне был нужен отдых. И возможность укрыться от всевидящих глаз прессы. В ее обшитом розовой вагонкой домике с видом на озеро Мичиган можно было перевести дух, перезагрузить мозг и решить, что же, черт подери, делать с оставшимися пятьюдесятью годами моей жизни. Конечно, с бóльшим удовольствием я бы просто легла и померла, но... ненавижу бросать свои дела на самотек! Вот почему наш семейный джип сейчас петлял по узким, обрамленным вязами бульварам Белл-Харбора. А я, опустив боковое стекло, впервые за долгое время дышала полной грудью.

Запах раскаленного песка, смешанный с ароматами масла для загара и цветущей сирени, напомнил беззаботные летние деньки, которые мы проводили на пляже, прежде чем в голову пришли скучные мысли о вреде ультрафиолета и микробах в озерной воде. Стрекотание цикад почти заглушало шелест волн, мерно накатывающих на берег. Какой же все-таки разительный контраст с душными дорогами Гленвилла и тамошней воинственной манерой вождения! Беззаботная деревня Белл-Харбор, которую ничто извне не касалось, будто бы давным-давно застыла, как мушка в капле янтаря. Прямо зачарованный город Бригадун<sup>1</sup> — разве что люди тут не начинали внезапно петь и плясать. А может, я просто этого не видела.

Я проезжала мимо выкрашенных светлой краской домиков с обнесенными резными перилами крылечками и неизменным американским флагом на флагштоке. По тротуару рядом с джипом с важным видом трусила лохматая собака с красной банданой на голове, пушистый хвост ее был высоко задран и трепыхался на ветру. Еще один поворот — и передо мной полыхнул всеми оттенками радуги двор тетушки Доди.

Здесь повсюду были цветы, как в магазине садовых товаров в дни распродажи, — некоторые настоящие, другие шелковые, а кое-какие и вовсе из выгоревшего на солнце пластика. Среди неухоженных зарослей азалии виднелись чаши-купальни для птиц, под кустами ютились кованые скамейки, а в траве между ними жили своей тайной жизнью разномастные каменные скульптуры ангелов и гномов.

Мое сердце вдруг забило в груди, как светлячок, в панике пытающийся спастись от стеклянной банки ловца.

---

<sup>1</sup> Город из одноименного бродвейского мюзикла.

— Вау! Сколько баракла! — выпалила моя дочь Пейдж. В свои шесть лет она была настоящим Капитаном Очевидность.

— Ой, смотрите, кайлики! — вторил ей четырехлетний Джордан. — Лас, два, тли, тетеле...

— Это гномы, балда! И не называй их карликами, это же грубо!

— Мама, она меня обозвала балдой! Ты сама ду-у-у-ула!

— Ну-ка замолчали оба! Обзывать плохо, ясно вам?! — припечатала я.

Мои дети потратили бóльшую часть двухчасового пути из Гленвилла на обсуждение самых дурацких тем. Сначала они выясняли, кто крупнее — пикси или зубная фея; потом поспорили, у всех ли жирафов одинаковое количество пятен, и закончили обсуждением того, где у русалки, цитирую: «дырочка для ка-ка». Джордан, будучи истинным сыном своего отца, не мог удержаться от споров, пусть на совершенно случайную тему. К концу пути у меня голова распухла от их бесконечной болтовни.

Я припарковалась на подъезде к дому и заглушила мотор. Пейдж открыла заднюю дверь и мячиком вылетела из машины, а неугомонный братец Джордан — за ней. Дети умчались в лабиринт клумб и стали выписывать зигзаги вокруг садовых статуй, визжа и хлопая друг друга по спинам.

— Осторожнее там! — прикрикнула я. — В сорняках могут быть колючки!

Но дети, не обращая внимания на мои предупреждения, продолжали беготню. Видимо, позже мне предстоит вытаскивать из их ног и рук многочисленные занозы. Я выбралась из машины и по стертým деревянным ступеням поднялась на крыльцо. Я не была здесь больше года, но уверенно толкнула дверь, не

утруждая себя стуком. Свои люди в Белл-Харборе не стучат и двери не запирают. А еще им нравится, если их называют «своими людьми» — я обычно не использую это словосочетание, но раз уж собралась провесте тут лето, придется привыкать.

Я шагнула на потрескавшийся линолеум персикового цвета и огляделась. Как всегда, мое чувство прекрасного получило жестокий удар от творившегося вокруг хаоса: крикливого, раздражающего бардака. Плетеная сова-макраме с деревянными глазами пялилась на меня из глубины комнаты. Клетка для хорька, давно покинутая своим пахнущим мускусом обитателем, была почему-то наполнена пыльными искусственными розами из шелка — видимо, в память о нем. Фарфоровые балерины пытались вытолкнуть с полки фигурки Элвиса Престли.

И все это венчала голова лося с раскидистыми рогами шириной во всю каминную полку. На одном ее ухе гордо красовалась бейсболка с надписью «Детройтские Тигры». У меня просто дыхание перехватило при виде этого кошмара. Тетина манера декора — «а-ля распродажа хлама» — всегда меня обескураживала.

— Доди? Ау! — позвала я.

Раздалось клцание собачьих когтей по линолеуму, и вот я уже бесцеремонно прижата к стене Лэзибоем и Фацо, парочкой грубых, невоспитанных собак неопределенной породы и с самыми дурными манерами, лезущих ко мне с противными мокрыми поцелуями. Их любовь была столь же безусловной, как слюни — липкими. Я попыталась было отгородиться от них коленом, но псы так распалились от радости, будто карманы у меня были полны бекона. Они просто дрожали от обожания. О, эта собачья жизнь, когда ты можешь испытывать такую непосредственную радость...

— Доди! — заголосила я. — Прогони собак!

— Сэди? Дорогая, это ты? Ну наконец-то!

Тетя вынырнула из-за угла, размахивая загорелыми руками, будто отгоняла мух от своих блондинистых кудряшек. То ли она разволновалась, увидев меня, то ли в доме начался пожар. Ярко-бирюзовое кимоно было прикрыто розовым в цветочек передником. Отпихнув одну из собак в сторону мощным бедром, тетя заключила меня в душные объятия.

— Я уже думала, ты никогда не доберешься. Как доехали? — Толчок другим бедром окончательно оттеснил собак, готовых начать второй раунд поцелуев. — Ты по главной дороге ехала? Видела новую почту? Ну разве не сказочные там горгульи? Слава богу, тебе не пришлось вести машину по снегу. Хотя что я говорю, сейчас июнь, какой может быть снег. Лэзи, слезь с моих ног! — Она отстранила пса рукой. — А где же дети? Ты привезла их? — Моя тетя походила на цунами — только в пушистых тапочках и в кимоно.

— Они во дворе твоих гномов считают.

Ее глаза засияли:

— Мне не терпится их увидеть. Они ведь выросли? О, конечно, что я спрашиваю...

Тетя Доди подтолкнула меня к двери и пихнула ее с такой силой, что та, открывшись, ударилась о стену дома, отлетела обратно и снова захлопнулась.

— Пропади она пропадом! — Тетя укоризненно покачала головой. — Надо было заставить Уолтера, пока он еще был жив, поставить фиксатор.

Со второй попытки дверь была открыта с должной осторожностью. Выйдя на солнышко, тетя Доди с умилением прижала ладони к щекам при виде моего озорного потомства.

— О! Вот они! Сэди, какая прелесть!

Пейдж держала в руках пучок каких-то растений со свисавшими круглыми корешками, а Джордан пы-

тался запихнуть камень размером с грейпфрут в свой слишком маленький карман. Оба побледнели и прижались друг к другу, когда собаки помчались к ним целоваться.

— Лэзи, Фацо! А ну на место! — Доди хлопнула в ладоши, и собаки, разочарованно затормозив, понурились и побрели прочь.

— Дети, поздоровайтесь с тетей Доди, — велела я. Пейдж подошла поближе.

— Тетя Доди, вот тебе цветы, — сказала она.

— Разве ты не знаешь, что нельзя рвать цветы в чужих садах? — упрекнула я.

— Но ты же сама сказала, что там сорняки!

Доди покосилась на меня и склонилась над Пейдж, касаясь ее щеки так осторожно, будто та была сделана из тончайшего фарфора.

— Рви какие хочешь цветы, дорогая. Разве не для этого их сажают? — И она приняла из рук девочки импровизированный букет, пачкая землей свое шелковое одеяние. — Они просто восхитительны! А кто этот рослый молодой человек? — Доди указала на Джордана. — Не может быть, чтобы это был твой маленький брат!

Джордан смутился. Доди, конечно, не была для него незнакомкой, но из-за моего развода с его отцом сын стал не в меру стеснительным.

— Я не маленький, — пробурчал он.

— Конечно, нет. Вымахал так, что без труда сумеешь побороть Джаспера.

Губы Джордана дрогнули, когда он попытался сдержать улыбку. Джаспер был старшим сыном Доди и самым высоким членом семьи — целых шесть футов и четыре дюйма. Он недавно окончил кулинарную школу, но не забывал рассказывать всем, что она называется Институтом кулинарного искусства и гостиничного менеджмента.



— Представляешь, Джаспер теперь работает в ресторане у Арно! Самый шикарный ресторан в Белл-Харборе. Пусть он сам расскажет. Джаспер! — прокричала Доди куда-то себе через плечо.

— А он здесь, что ли?

— Ах да. Разве я тебе не говорила? Он решил пожить дома, чтобы скопить денег на собственный ресторан.

В моем мозгу зазвучал сигнал тревоги. Доди прекрасно знала, что ничего мне не говорила, потому что иначе я просто отказалась бы приехать. И она также была в курсе, что я хотела спокойно отдохнуть на импровизированных каникулах без всяких мужиков. Если Джаспер будет здесь, мне придется терпеть рассыпанные после бритья волоски от его щетины в ванной и каждый раз опускать за ним стульчак в туалете. А еще он пускал ветры и неуклюже сваливал это на собак! И мне придется постоянно носить бюстгальтер! И что теперь, все мои планы расслабиться катятся к черту? Я опять разнервничалась.

Было так нелегко решиться и вырвать детей из привычной обстановки. Визиты к Доди, как продолжительные, так и краткие, неизбежно несут в себе потенциальную угрозу хаоса. Однако все решила попытка Ричарда запретить нам уехать. А то наслаждение от пассивной агрессии, которое я получила, когда он не смог остановить меня, пожалуй, могло компенсировать мне присутствие Джаспера.

Я подошла к машине и открыла багажник, чтобы вытащить вещи. Мой внедорожник был набит битком. Как заядлый путешественник, я взяла с собой все, что могло нам понадобиться летом, а также кое-что сверх того. Я всегда стараюсь предусмотреть любые непредвиденные обстоятельства. Ведь никогда не знаешь, в каком глухом месте ты можешь застрять, и где пригодится моток

шпагата или резиновый клей. Ричард вечно смеялся надо мной, но знал бы он, сколько усилий я прилагала, чтобы его отпуска проходили без сучка и задоринки!

Тем временем Доди обратилась к детям:

— Зайки, на кухне вас ждут игрушки! Целая куча от моей подружки Аниты Паркер. Она тут чердак разгрэбла.

Пейдж и Джордан, радостно завопив, помчались в дом. Перспектива получить игрушки, пусть даже самые старые и с чердака незнакомой леди, заставила Джордана забыть свою застенчивость.

Доди повернулась ко мне.

— Птица Аниты сдохла. Я тебе рассказывала? Какой ужас. — Она понизила голос и торжествующе прошептала: — Придушена ее же собственной кошкой! Представляешь?!

— Это, случайно, не та самая птица, которая клюнула меня, когда я была маленькой? — Помню, я ужасно боялась этого жуткого попугая.

— Скорее всего. — Тетя снова заключила меня в объятия. — О, я так рада, что ты наконец-то добралась до нас! Ты не была тут целых три года.

Я вывернулась из ее рук и потянула на себя очередной чемодан.

— Нет, Доди, не три, а гораздо меньше.

— Чепуха! Тот раз, когда ты останавливалась в гостинице, не в счет! — Она убрала прядь волос с моего лица, будто мне было три года, а не тридцать.

— Мы не могли остановиться у тебя, у Ричарда же аллергия на собак.

— Не заливай. Просто я ему не нравлюсь.

Я не стала возражать. Она была права. Ричард находил Доди чересчур прямой и грубой, и жаловался, что ее дом насквозь пропах капустой и пачули. Впрочем, это была чистая правда. Демонстративно отодвинувшись, я объявила:

— На прошлой неделе я подписала документы на развод.

— Ну слава богу, наконец-то ты это сделала! — Тетушка одарила меня очередной порцией экзальтированных объятий. — Ты же знаешь, я всегда терпеть его не могла. — Доди вытерла о передник руки с таким видом, будто одно воспоминание о Ричарде делало их жирными и липкими. — И раз уж с этой историей покончено, мы должны найти тебе парня получше.

В этот момент я извлекала из багажника очередной чемодан и чуть не уронила его себе на ногу.

— С чего ты взяла, что мне вообще нужен парень?

На ее лице нарисовалось такое неподдельное изумление, будто я отказалась от куска шоколадного торта.

— С того, глупенькая, что ты не можешь остаться одна навсегда.

Я с глухим стуком поставила чемодан в пыль, прямо на дорогу.

— Вообще-то, официально я развелась всего пять дней назад, Доди. И, надо заметить, дяди Уолтера нет в живых уже шесть лет, а ты до сих пор одна.

— Но фактически ты одна уже больше года. А я все еще на коне, детка. Кстати говоря, на днях я встретила одного просто восхитительного человека. Я тебе не рассказывала? Мы столкнулись на стрельбище.

— На стрельбище? Что ты делала на стрельбище?

— Тренировалась, дурашка. Если владеешь оружием, нужно научиться им пользоваться.

— Пользоваться?! — Я чуть не прищемила руку багажником. — С каких это пор у тебя вообще есть оружие?

Это были плохие новости. Моя тетя настолько безответственна, что ей брызгалку в форме пистолета нельзя доверить, не то что пушку, заряженную настоящими патронами.

— Да уж несколько недель, — ответила она. — Все из-за этого скунса, я рассказывала.

— Что еще за скунс?

— Тот, что приходит и роется в нашей помойке. На прошлой неделе он брызнул своей вонючей струей прямо в морду Лэзибоя.

— И ты собираешься пристрелить его?

— Да нет, конечно. — Она наклонилась и подняла самый маленький чемодан. — Я стреляла поверх его головы, чтобы напугать и заставить убежать. Кстати, его зовут Гарри.

— Ты назвала скунса Гарри?

— С чего бы мне называть скунса Гарри? Какая нелепость. — Она посмотрела на меня, как на идиотку. — Гарри — тот мужчина, которого я встретила. Он дантист. Надо сказать, у него шикарные зубы. А его внучка работает в новом «Старберсте».

— В «Старберсте»?

— Ну там, где продают кофе.

— А, ты имеешь в виду «Старбакс».

— Да-да. Он самый. Мне очень нравится этот их «Ральф Маккио»...

— Она имеет в виду маккиато, — перебил мать Джаспер, наконец-то соизволивший выйти из дома. Он приобнял меня на пару секунд и подхватил сразу несколько чемоданов. — Добро пожаловать в дурдомик.

— Спасибо.

Мой кузен практически не изменился за то время, что мы не виделись. Разве что стал еще выше и еще больше похудел, хотя дальше, казалось бы, некуда. И все так же оставался копией тети Доди в мужском варианте, со своими светлыми волосами и голубыми глазами.

«Не такой уж он и волосатый, — подумала я. — Глядишь, в ванной не будет слишком много сбритой щетины».